

Я – снайпер Рейха

Й о з е ф О Л Л Е Р Б Е Р Г

**На его счету 257 жизней
советских солдат**

Свастика против звезды. Откровения гитлеровцев

Йозеф Оллерберг

**Я – снайпер Рейха. На его счету
257 жизней советских солдат**

«Яуза»

2013

Оллерберг Й.

Я – снайпер Рейха. На его счету 257 жизней советских солдат /
Й. Оллерберг — «Яуза», 2013 — (Свастика против звезды.
Откровения гитлеровцев)

На боевом счету автора этой книги 257 жизней советских солдат. Это — мемуары одного из лучших Scharfschütze (снайперов) Вермахта. Это — циничные откровения безжалостного профессионала об ужасающей жестокости войны на Восточном фронте, в которой не было места ни рыцарству, ни состраданию. В июле 1943 года молодой пулеметчик Йозеф Оллерберг был ранен под Ворошиловском. В госпитале он решил поэкспериментировать с русской снайперской винтовкой, которая случайно попала ему в руки. Через несколько месяцев он вернулся в свой полк подготовленным стрелком и навсегда поменял воинскую специальность. В дни, когда гитлеровцам приходилось непрерывно отступать под ударами Красной Армии, Оллерберг стал одним из самых успешных немецких снайперов. Хитрый и безжалостный, обладавший нечеловеческой выдержкой и животной способностью ориентироваться на поле боя, он уцелел в самых страшных боях Восточного фронта, но заплатил за выживание чудовищную цену, превратившись в законченного убийцу.

© Оллерберг Й., 2013

© Яуза, 2013

Содержание

Пролог	5
Глава первая	7
Глава вторая	13
Глава третья	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Йозеф Оллерберг

Я – снайпер Рейха. На его счету 257 жизней советских солдат

Пролог

С сокрушительного поражения гитлеровских войск в Сталинграде началось их двухлетнее отступление, которое вовлекло солдат обеих враждующих сторон в нечеловечески напряженное противоборство. За эти два года Восточный фронт приобрел символическое значение для каждого немецкого солдата и стал сценой бесчисленных человеческих трагедий.

Об этой войне написано огромное количество трудов – репортажей, исследований, воспоминаний. Но вряд ли возможно найти подходящие слова, чтобы во всей полноте «описать неопишемое», раскрыть каждодневную борьбу за выживание, весь ужас и страх, пережитый людьми с обеих сторон. Пожалуй, есть только один способ передать это хотя бы отчасти – сконцентрироваться на судьбе конкретного человека. Однако и здесь сложно четко разграничить дистанцированные, объективные размышления военного историка и симпатизирующий взгляд биографа, увлеченного человеческой сущностью своего героя.

В центре этой книги стоит снайпер – представитель той категории солдат, которая вызывает смесь восторга и отвращения. В историографии войны зачастую забывается и замалчивается, что именно выдающиеся подвиги и героизм снайперов спасали жизни многим из их товарищей. В восприятии большинства на первый план выходит то, с каким ужасающим хладнокровием эти бойцы убивали своих жертв. Среди других солдат редко встретишь тех, кто после войны был бы обречен жить с осознанием, что на его совести так много человеческих жизней. Причем жизней не обезличенных, а конкретных людей, на которых они смотрели в оптический прицел, прежде чем нажать на спусковой крючок. Почти все снайперы молча носят это осознание в себе до конца своей жизни. Эти люди не из тех, кто будет распространяться о пережитом.

Только пятьдесят лет спустя один из лучших немецких снайперов решился нарушить молчание и в длинных беседах с биографом рассказать ему свою историю войны. Читая эти исключительные страницы об армейской службе немецкого снайпера, мы можем на некотором отдалении увидеть настоящее лицо войны или, по крайней мере, то, какой она выглядела глазами солдата пехоты, сражавшегося на фронте.

Неизбежно, что по прошествии столь долгих лет, многие из воспоминаний потеряли былую отчетливость, и только самые драматические эпизоды сохранились в памяти с былой яркостью. Биографу пришлось собирать по частям эти обрывки информации, чтобы составить из них связный и читаемый рассказ. Естественно, что в ходе такой работы особенно важным было заполнить все белые пятна, для чего биографу пришлось выступить также в качестве исследователя-историка.

Еще одну из проблем, возникшую у биографа в ходе работы, можно прекрасно выразить немецкой поговоркой: «Победитель прав всегда, проигравший – никогда». В то время как выдающиеся мастера меткой стрельбы русских и их союзников чествуются, как герои, немецкие снайперы даже в их собственной стране оцениваются, как грязные убийцы. По этой причине главного героя данного исследования нужно было защитить, изменив его имя. Также и многие другие имена на страницах этой книги вымышлены. Но все события, изложенные здесь, подлинные.

Йозеф Оллерберг до войны был плотником из небольшой деревушки около Зальцбурга. В первые дни июля 1943 года он оказался вовлеченным в нарастающий вихрь событий на Восточном фронте. Соответственно, до окончания войны в мае 1945 года его жизнь стала вертеться вокруг его товарищей из 2-го батальона 144-го горнострелкового полка 3-й горнострелковой дивизии. Солдаты этого подразделения преимущественно были набраны в альпийском регионе. Подобная этническая общность, без сомнения, стала одной из главных причин их высокого боевого духа, примеры которого можно будет не раз увидеть в ходе дальнейшего повествования.

Суровая зима сжимала солдат Восточного фронта своими ледяными руками. Холод ощущался физически. Десятки тысяч солдат из 6-й немецкой армии в Сталинграде были принесены в жертву без надежды на спасение. Это произошло по причинам, которые и сегодня выглядят сомнительными. Поражение немцев в Сталинграде стало мощным поворотным моментом в судьбе Вермахта, который до этого достигал очень значительных успехов. Наступление, которое привело гитлеровскую армию к такой катастрофе, осуществлялось энергично, но без достаточного планирования. В результате сопротивление переросло для немцев в оборонительную войну, которая закончилась в Берлине с красным флагом Советской армии, реющим над крышей Рейхстага. Этот флаг стал предвестником грядущего пятидесятилетнего разделения нации. Германия перенесла свой Судный день среди руин ее городов и культурных достижений.

3-я горнострелковая дивизия, которая находится в центре данной работы, сражалась на юге Сталинграда зимой 1942/43 годов. С уничтожением 6-й армии она оказалась беспомощной при дальнейшем зимнем наступлении русских. Противостоя численно превосходящему противнику, с величайшими усилиями и неся неопишуемые потери в людях и технике, эта дивизия смогла вырваться из окружения. Лишь благодаря этому ее бойцы избежали судьбы, постигшей их товарищей в Сталинграде. После свирепых боев в районе Миллерово и прорыва на соединение с новой немецкой линией обороны в Ворошиловске, 144-й горнострелковый полк сократился до четверти от своей регулярной боевой численности.

Около Ворошиловска полк закрепился. В последующие шесть месяцев в него поступала новая материальная часть, а численность бойцов была восстановлена за счет новобранцев. Если сравнивать с битвами, через которые 144-й полк прошел зимой, то здесь он имел дело не более чем с мелкими перестрелками и беспокоящим огнем противника. Кроме этого, лишь иногда случались столкновения между боевыми патрулями и позиции полка изредка подвергались артобстрелам. Но зато постоянной была угроза со стороны русских снайперов, чьими жертвами в основном становились только что прибывшие в полк неопытные новобранцы. Из-за недостатка в тяжелых пехотных орудиях немцы оказались в немалой степени беспомощными перед лицом этого феномена. Лишь в крайне редких случаях им удавалось засечь позицию русского снайпера и выстрелить по нему из средних пехотных орудий, таких как минометы, пулеметы и легкие противотанковые пушки.

Было очевидно, что полку требуются собственные снайперы.

Глава первая

Переступить черту

Солнечное летнее утро на Восточном фронте только начинается. В сыром рассветном воздухе ощущается пряный запах земли и травы. Но снайпер не обращает внимания на природу вокруг, он не может себе позволить сейчас отвлечься на это. Все его чувства напряжены. Он напоминает хищника, выслеживающего жертву. Глядя в бинокль, он снова просматривает подступы к русской линии фронта. Где-то там находится хорошо замаскированная позиция его врага, русского снайпера, который за последние несколько дней убил девять его товарищей. Этот русский должен быть профессионалом, потому что я уже два дня безрезультатно ищу его позицию. Но когда пуля этого снайпера на рассвете поразила девятого стрелка, меня охватила уверенность, что я смог определить примерное направление, откуда был сделан выстрел.

Вот, наконец, и признак, который выдает врага. Внизу у края кустарника пучки травы расположены как-то неестественно. Мой пристальный взгляд сконцентрировался на этой точке. Да, именно здесь он и укрылся. Я почувствовал прилив адреналина, когда распознал неясные черты оптического прицела и винтовочный ствол, на дульном срезе которого вдруг мелькнула вспышка. Оглушенный грохотом выстрела, я смог увидеть пулю, летящую в меня. Я лежал, словно парализованный, и не мог спастись. С глухим ударом пуля вошла мне прямо в середину лба, и моя голова и мысли разорвались во вспышке света.

В этот самый момент я прихожу в себя, вырываясь из глубокого сна. Мое сердце бешено колотится. У меня такое чувство, что я только что вернулся из сурового 1944-го в сегодняшний день. Медленно я заставляю себя собраться, но даже и не думаю о том, чтобы поспать еще хоть немного. Через открытое окно спальни до меня доносятся приглушенные звуки ночи и воздух, такой приятный и свежий, каким он может быть только в начале лета. Я встаю, подхожу к окну и глубоко втягиваю ночной воздух в сжавшуюся грудную клетку.

Сделав несколько вдохов и выдохов, я задерживаюсь взглядом на силуэте зальцбургских Альп, над которыми висит тревожно красивая луна. Такая же ясная, как луна, висевшая над русской степью в конце лета, когда крохотный поезд с пополнением, боеприпасами и провиантом для фронта с грохотом неслись через бескрайнее пространство. Я вспомнил, как сидел у открытой двери вагона и был полон напряженного нетерпения перед приближающейся солдатской жизнью. «Мы были несчастными безрассудными желторотыми птенцами», – сказал я себе, и прошлое само ворвалось в мои мысли. Как и много раз до этого за все прошедшие годы, эпизоды из моей военной жизни сами возникали перед глазами. Некоторые из событий, происшедших пятьдесят лет назад, вставали в памяти столь отчетливо, словно они случились вчера.

Родившись в семье плотника в сентябре 1924 года, я вырос в деревне федеральной земли Зальцбург. Я провел беззаботную юность, воспитываясь на консервативных ценностях – таких как патриотизм, исполнительность, верность долгу и покорность властям. Именно то, что эти убеждения были столь глубоко в меня заложены, позволило мне принять свою дальнейшую судьбу с таким фатализмом. Я собирался во всем пойти по стопам отца и изучал ремесло плотника, чтобы в один прекрасный день самому стать во главе семейного бизнеса. Грядущую военную службу я воспринимал одновременно и как обязанность, и как честь, поскольку солдаты пользовались значительным уважением в обществе. Военная служба рассматривалась молодыми людьми как увлекательное средство обрести жизненный опыт, дающий им новые основания для самоуважения и чувство достигнутой зрелости. Я был продуктом социальных и политических условий своего времени. Мое детство прошло под влиянием и контролем строгой идеологической политики Третьего рейха, которая культивировала чувство национального самосознания, консервативные идеалы и готовность к военной службе – особенно среди моло-

дых людей, – преследуя свои политические цели. И это было естественным для молодого человека моего возраста пойти добровольцем в войска Вермахта, чтобы поддержать устремления своего правительства силой оружия.

Спустя почти три года войны, когда Вермахт шел маршем от одной победной кампании к следующей, многие молодые люди буквально боялись упустить свой шанс принять участие в боях, поскольку, согласно пропаганде того времени, последняя победа была уже на видимом отдалении. Для деревенских юношей, ничего не знавших о суровых и безжалостных реалиях войны, осенний день 1942 года, когда они заявили о своем порыве пойти на военную службу, был предметом особой гордости. Мэр произнес короткую речь о службе земле отцов и о героической борьбе против большевизма. Оркестр пожарной бригады весело играл им, и несколько красавиц из Союза немецких девушек прикрепили маленькие букеты на лацканы будущих героев. Мысль о возможности оказаться убитым или стать инвалидом не приходила в голову ни одному из них, но шесть из молодых людей, гордо позировавших для группового портрета, погибли за два последующих года. Впрочем, до этого было еще далеко. Через несколько месяцев они прибыли на службу, полные самых радужных надежд.

После окончания учебы, в январе 1943-го я, восемнадцатилетний, как почти все молодые люди из моего региона, был призван на военную службу в горнострелковые войска, базировавшиеся в округе Куфштайн в Тироле. Получив снаряжение, я и мои товарищи через десять дней были переброшены в Миттенвальд для прохождения базовой пехотной подготовки. Через шесть месяцев изнурительных тренировок я стал пулеметчиком. За все время моей подготовки тема снайперов, как тактический аспект пехотных боев, не упоминалась вовсе. Мне довелось услышать лишь несколько уничижительных замечаний о русских снайперах и женщинах с «дробовиками», которых пулеметчики должны уничтожать решительно и безжалостно.

Подготовка была тяжелой, но проходила без суеты, какая бывает в армии в мирное время или на ранних этапах войны. Наоборот, все было сконцентрировано на подготовке молодых людей – хотя бы физической – к трудностям, с которыми они столкнутся на поле боя, и к обучению их доскональному знанию своего оружия. В частности, инструкторы, имевшие фронтовой опыт, пытались передать умения, приобретенные ими в боях. Они знали о драматически высоких потерях среди посылаемых на фронт в качестве пополнения новобранцев, которых сразу же ошеломяла ужасная реальность войны. Неожиданно открывавшаяся перед новичками безжалостная жестокость боя вызывала у многих из них неконтролируемую панику и желание убежать. Однако хотя такое поведение и могло спасти их в былые времена, в век сложных орудий войны, убивающих со значительного расстояния, подобное приводило к гибели.

Тщательные тренировки позволяли подготовить каждого к моменту встречи с врагом, но они мало помогали контролировать естественный инстинкт убежать от опасности. В последние минуты перед боем, еще до его начала, каждый должен решить для себя, сможет ли он спокойно взглянуть в лицо войны или нет. Именно тогда становится ясно, кто настоящий воин, для которого сражение – вторая натура, а поле боя – дом, где приходится вечно стоять перед выбором – убить или быть убитым. Только из такой кузницы военной реальности выходят снайперы – солдаты, которые знают, как сохранить мозг ясным, кто способен действовать на передовой в огне сражения и кто знает, как с максимальным эффектом владеть своим оружием – винтовкой с оптическим прицелом. Только такие солдаты удостоиваются имени «снайпер».

Я и мои товарищи получили назначение в 144-й горнострелковый полк, который тогда находился еще в южной части Восточного фронта около Ворошиловска. Мы оказались среди одного из последних пополнений, направляемых в этот полк для восстановления его полной численности. Но перед отправкой на фронт мы получили трехдневные отпуски. Правда, эти три дня прошли так быстро, что мы и глазом не успели моргнуть. Для многих из нас это стало последней возможностью в наших молодых жизнях повидать свои семьи и сказать: «Прощай».

Во время этой короткой встречи с родными будущее казалось неясным. Моя мать гладила меня по голове при каждой возможности и всячески старалась проявить заботу обо мне. Мой отец, солдат Первой мировой войны, прятал свое беспокойство за молчанием и упорной работой. Но вот наступил неизбежный день расставания. Когда я вошел в автобус, который должен был отвезти меня обратно в бараки Миттенвальда, моя мать была вся в слезах. Отец обнял меня, прощаясь, хотя не делал этого никогда раньше, и, с трудом сохраняя хладнокровие, шепнул на ухо: «Позаботься о себе, мальчик. Я больше всего желаю, чтобы ты вернулся невредимым. Но это в руках божьих». Когда автобус тронулся, я лишь один раз махнул родителям рукой и неожиданно отвернулся с застывшим выражением лица. Иначе я потерял бы самообладание, которое и без того сохранял с большим трудом.

Немцы с тревогой наблюдали, что в районе 3-й горнострелковой дивизии Красная Армия, усиленная прибывшими поставками нового американского оружия, приготовилась к крупному наступлению на Донецкий бассейн и Украину. Следовательно, каждого человека, увеличивавшего боевую численность немецких частей, в них встречали радушно. Я и мои спутники провели много дней в дороге по бесконечной русской степи в застеленных соломой вагонах для скота до того, как достигли места назначения – Донецкого бассейна. Наше прибытие в Ворошиловск совпало с началом атаки русских. Не дав нам ни малейшего шанса адаптироваться к фронтовой жизни, на следующий день после прибытия нас бросили в бой за Редькино ущелье, который оказался невероятно тяжелым и принес значительные потери. В сравнении со средним пехотинцем мне выпала по-настоящему тяжкая доля, поскольку 3-й горнострелковой дивизии до самого конца войны приходилось действовать в неестественных для подобного рода войск условиях в южном секторе Восточного фронта, всегда находясь в гуще боев. Потери в ее частях были практически невероятными. Пропорционально они были значительно выше потерь во всей остальной армии.

Донецкий бассейн с его огромными запасами угля представлял собой важный регион добычи сырья, а потому был крайне важен для обеих противоборствующих сторон. Угольные шахты с гигантской системой тоннелей не были полностью очищены от войск противника наступающими немцами. За спиной у войск Вермахта оставались целые русские части, спрятавшиеся в тоннелях, которые потом нападали на ничего не подозревавших немецких пехотинцев. В результате происходили кровопролитные ближние бои, которые могли продолжаться даже в тоннелях.

Советские войска успели энергичной атакой прорваться через немецкие линии обороны до того, как я достиг фронта. Теперь они стремились расширить занятый плацдарм. Командир 3-й горнострелковой дивизии оценивал ситуацию, как очень шаткую, а потому нанес контрудар без дальнейшей подготовки и перегруппировки своих сил. Это привело к успеху, но победа была куплена ценой огромных потерь среди пехотинцев.

Я и другие проходившие подготовку вместе со мной стрелки прибыли к месту назначения на рассвете 18 июля 1943 года. К расположению части мы подходили безмолвно. Мы были задумчивы, на наших лицах были написаны тревога и нервозность. У каждого, кто встречался нам на пути, был свой способ совладать со страхом, найденный ранее. Опытные бойцы с мрачным выражением лица жевали корки хлеба, или курили, или просто заставляли себя собраться так, что на их лицах не отражалось ни одной эмоции. Но новобранцам оказалось гораздо труднее побороть свою нервозность. Мы были напряжены и беспокойны. Многих из нас без конца тошнило. Не зная по опыту о том, что должно произойти дальше, я воспринимал странные сцены происходящего, отчетливо ощущая страх. Я не мог даже есть, мой желудок восставал против любой пищи, а тело потрясывалось, как желе. Я не мог сдвинуться с места. Но в этой критической ситуации мне повезло. Командир моего отделения был очень опытным и закаленным в боях человеком, но при этом он со вниманием и сочувствием относился к новичкам, попавшим в его часть. Он увидел, насколько я испуган, и сказал мне, стараясь ободрить:

– Дыши глубже, парень. Думай только о своем пулемете и стреляй, как тебя учили. Будь внимателен ко мне и моим приказам. Я забочусь о своих ребятах, и если тебе придется действительно туго, я буду с тобой. До сих пор я вытаскивал свою часть из любой передраги. Мы не бросим никого из своих.

Сочетание еще сохранявшейся во мне юношеской наивности и доверия, которое сразу вызвал у меня командир нашей группы, позволило мне найти в себе силы, чтобы преодолеть тревогу, собраться. Это и помогло мне выстоять среди событий, сопровождавших мое боевое крещение.

Было почти 5.00, когда горные стрелки начали контратаку. Она началась с огня немецкой артиллерии, размещавшейся позади позиций, занимаемых мной и другими солдатами. Стрелкам было отлично видно, как на местности перед ними с глухим, тяжелым звуком от земли отрывались огромные комья, взмывая фонтанами в чистое утреннее небо. Мне было неприятно слышать эти абсолютно новые для меня звуки, смешивающиеся с бесконечным грохотом выстрелов и воем шрапнели. Я и другие стрелки припали к земле на своих позициях и с замиранием сердца ждали приказа идти в атаку.

Артподготовка продолжалась около двадцати минут. Когда орудия затихли, я неожиданно уловил странный звук. Это по-звериному орали раненые русские. Приказ к атаке раздался, когда ужас все сильнее стал нарастать внутри меня. Все напряжение и нервозность неожиданно трансформировались в одно сплошное движение вокруг. Вихрь боя, начавшегося так кроваво, начал затягивать в свою воронку и немецких пехотинцев. Внезапно на наших позициях стали взрываться русские гранаты. Как только я вскочил, сразу услышал жужжащий звук, за которым последовал разрыв. Справа от меня товарищ, молодой парень-ровесник из Берхтесгардена, изучающе смотрел на свою разорванную форменную куртку, через дыру в которой с каждой секундой все сильнее и сильнее вываливались его кишки. После нескольких секунд шока этот парень начал истошно орать, пытаясь запихнуть свои кишки обратно. Мне хотелось помочь ему. Он опустил свой пулемет, но командир отделения тут же ударил его по спине и заорал: «Вперед! В атаку! Ему не помочь. Прикрывай огнем своих товарищей!»

Когда я вышел из оцепенения, раненый неожиданно затих, со странным застывшим взглядом опустил на колени и рухнул головой на землю. Но я был уже в двадцати метрах от него и не видел этого. Мысли улетучились у меня из головы, меня направляла примитивная воля выжить. Смерть, ранения и страх потеряли былое значение. Мое сознание сузилось до стрельбы, перезарядки оружия, бросков вперед, поисков укрытия и наведения пулемета на врагов. Я превратился в животное, борющееся за свою жизнь. За время боя не на жизнь, а на смерть наивный молодой человек превратился в воина в истинном понимании этого слова. Смесь страха, крови и смерти подействовала на меня, как наркотик, который, с одной стороны, опьяняет, но, с другой, угнетает, поскольку не только обозначает собой переступление черты, за которой конец «человеческой невинности», но также уносит прочь надежды на будущее. Убийство стало ремеслом, захватившим меня. И судьбе было угодно, чтобы я достиг в нем наивысшего мастерства.

Наша группа осторожно пробиралась по кустарникам, пока не угодила в засаду. Противник прятался на расстоянии около двадцати метров. Один из наших стрелков без слов упал от града внезапных автоматных очередей. В ту же секунду я ответил огнем из своего ручного пулемета, и остальные солдаты из нашей группы смогли залечь в укрытие. Затем они забросали позицию противника ручными гранатами и бросились вперед, прикрывая огнем друг друга, но враг словно испарился. Немного впереди, в густом кустарнике они нашли четырех мертвых русских, лежавших перед мастерски замаскированным входом в шахту. Убитые выглядели крайне истощенными и бледными. Вероятно, они прятались в тоннеле не один месяц.

В шахту вели свежие следы. Любопытство подтолкнуло нескольких стрелков ползти туда. С карабинами наготове они скрылись под землей. А через несколько минут я услышал

глухие звуки выстрелов из глубины шахты. Вскоре после этого немецкие солдаты, шатаясь, вышли наружу. Они были мертвецки бледны и растеряны. Но задавать вопросы не оставалось времени. Сектор атаковала рота русских, и стрелков захватил водоворот боя.

Неослабевающее противоборство продолжалось до сумерек, которые наступили около десяти вечера. Мне казалось чудом, что я в отличие от многих своих товарищей пережил этот день. Теперь моя рота отходила обратно к позициям, откуда началась утренняя атака. Из-за недооценки сопротивления русских атаку нужно было начинать снова на следующий день. Обе стороны получили возможность перегруппироваться. Передышка использовалась на то, чтобы осмотреть и перевязать легкие ранения тех, кто остался способен продолжать воевать, а также чтобы принести на позиции провиант и боеприпасы. Сидя с коркой хлеба, банкой рыбных консервов и сигаретой, немецкие бойцы разговаривали о самых главных событиях, происшедших за день. Это стало первой возможностью для меня спросить у выживших товарищей о том, что же все-таки произошло в тоннеле. В коротких фразах, до сих пор явно пребывая в шоке от того, что они увидели, двое из выживших стрелков рассказали о невероятном случае. Но, возможно, невероятные случаи такого рода происходили на той войне каждый день.

Нашупывая дорогу в полутьме тоннеля, примерно через пятьдесят метров они обнаружили с трудом различимую выемку в стене, откуда невыносимо воняло. Им понадобилось некоторое время, чтобы привыкнуть к темноте. И тогда перед ними предстала ужасающая картина. В углу на корточках бок о бок сидели двое русских. А неподалеку от них – тщательно консервированные останки двух человеческих тел, лежащие на ящиках для патронов. Консервировали их, явно закоптив над огнем. В другом углу за кучей экскрементов лежали их кишки, которые уже начали разлагаться, и обгрызенные кости. Трясаясь от отвращения, один из стрелков, немного умевший говорить по-русски, спросил у двоих уцелевших, что произошло.

Они ответили, что их, тридцать пять бойцов, оставили в этом тоннеле, когда русские отступали, со строгими указаниями оставаться в укрытии и удерживать позиции до начала контратаки Красной Армии. Шел месяц за месяцем, но контратака не начиналась, и у них очень скоро закончилось все продовольствие. Офицер, остававшийся с ними, тем не менее настаивал, чтобы они следовали приказу. А когда многие солдаты стали требовать немедленного отступления, он застрелил двух самых молодых (им было всего по шестнадцать лет), чтобы удержать остальных. Он хладнокровно убил их выстрелами в шею, а затем под дулом пистолета приказал остальным выпотрошить их, расчленив тела и коптить их над огнем. Он заставил солдат разделить печень трупов и съесть ее сырой. Следующие несколько недель они ощущали себя людьми, преступившими человеческий закон. И они даже не думали о сопротивлении офицеру, потому что их сержант и два младших сержанта были на его стороне и охраняли все ящики с оружием. Со временем тела были съедены, и офицер безжалостно застрелил еще одного самого молодого солдата. Через несколько дней после этого атака русских отбила тоннель, что обязало группу перейти к действию.

Пока стрелок, знавший русский, переводил остальным этот рассказ, другого немецкого солдата начало тошнить от переполнившего его отвращения. Когда он снова смог дышать, он закричал: «Вы грязные ублюдки!» – и выстрелил из своего пистолета-пулемета MP40¹. Им не верилось, в их глазах была паника, оба русских пристально смотрели на свои изрешеченные пулями тела, пока кровь с пеной не хлынула из их потрескавшихся, уже безмолвных губ. Их тела вздрогнули в последний раз, и жизни оборвались. «Уходим отсюда, ребята», – заорал командир отряда, и они ринулись обратно, покидая этот кошмар. Выйдя из тоннеля, они не могли надыхаться свежим воздухом. Для опытных немецких пехотинцев

¹ Один из самых массовых видов германского стрелкового оружия, состоявший на вооружении практически всех частей Вермахта в годы войны. – *Прим. пер.*

это был всего лишь один эпизод войны. Но я был ошеломлен потоком переполнявших меня эмоций. Первый день на фронте оказался непохож ни на что из пережитого мной ранее. А если это не более чем безобидная прелюдия к порокам войны, то что же будет дальше? Но развивать мысль времени не было. Желание спать и голод брали свое. А на отдых оставалось лишь несколько часов.

В итоге на то, чтобы сломать советское сопротивление, у немцев ушло четыре дня. Им пришлось привлечь для этого дополнительную артиллерию и штурмовые орудия. Клочок покоренной русской земли стоил жизней 650 немецких солдат.

По истечении пяти дней я потерял последние остатки своей юношеской наивности. Опыт кровавых боев наложил свой отпечаток на мое лицо, так что выглядел я теперь на десять лет старше. Наша 7-я рота сократилась в численности всего до двадцати человек. Из моей группы в живых остался только я и командир нашей роты. Я потерял чувство времени и не испытывал больше ни страха, ни жалости. Я стал продуктом событий, происходивших вокруг меня, движимый примитивным инстинктом выжить среди изнурительных боев, голода и жажды.

Глава вторая

«попытай свое счастье, став снайпером»

22 июля борьба Вермахта за восстановление прежней немецкой линии фронта достигла результата. Но русские сражались с отчаянной смелостью. Хорошо замаскированные, они часто демонстрировали необычную практику ведения огня, стреляя только с расстояния менее пятидесяти метров. Таким образом, практически каждый выстрел попадал в цель. Русские снайперы, в частности, порождали уверенность, что немецкие стрелки скоро будут уничтожены.

На меня давило осознание того, что моя боевая специализация была самоубийственной, как никакая другая. Стратегическая важность пулеметов неизбежно приводила к тому, что на них обрушивался яростный огонь тяжелых орудий, таких как минометы и пехотные орудия, и – особенно в подвижных боях – снайперов. В результате процент потерь среди пулеметчиков был значительно выше, чем среди других бойцов. Мне стало ясно уже в первые дни на фронте, что мои шансы выжить напрямую зависят от того, смогу ли я занять в своей роте другое место.

Когда шел пятый день участия в боях, слева от меня раздался глухой удар, и осколок снаряда вошел в мою левую руку. Я встретил ранение с холодным фатализмом, как неизбежное последствие войны. Что удивительно, рана не болела и слабо кровоточила. Я попробовал согнуть руку и успокоился: она казалась неповрежденной. Я отполз назад со своим пулеметом, извлек пачку бинтов и с помощью товарища перевязал рваную рану на кисти руки у основания большого пальца. Едва я успел закончить перевязку, как мой сослуживец закричал:

– Зеппи, посмотри, они идут. Стреляй, стреляй!

Через час, когда рота отошла от переднего края и появилось немного времени, чтобы отдохнуть, я наконец почувствовал боль. На сборном пункте, который также выполнял функцию базового склада провианта и боеприпасов, доктор с несколькими медбратами оказывали помощь раненым. Я отправился туда, чтобы мою рану осмотрели.

Импровизированный госпиталь размещался неподалеку от полкового штаба в небольшой хате, крытой соломой. Без единой эмоции я слушал стоны, вой и крики. Запах гниющей плоти теперь не вызывал у меня тошноту. Один из медиков сортировал прибывающих в зависимости от серьезности их ранений. На плащ-палатке принесли очень молодого солдата. Сначала я посмотрел на его лицо. Из горла солдата вырывались монотонные стоны: «Я не могу сдвинуться. Боже, я не могу сдвинуться». Мой взгляд застыл на теле раненого. Оно, подобно марионетке, дергалось в конвульсиях. Сержант медицинской службы поднял принесенного солдата и обследовал его грудную клетку. Спереди на ней не было повреждений. Но между лопаток зияла рваная дыра, в которую пролезло бы две руки. Из нее виднелись осколки ребер и позвоночника. Сержант медслужбы осторожно уложил раненого обратно на плащ-палатку. Он сказал:

– Ребята, нам не помочь этому парню. Смерть для него будет самым милосердным при таком ранении. Отнесите его в сарай к священнику.

Всех безнадежных относили в сарай, где капеллан – явно ошеломленный горем – старался обеспечить смертельно раненым тот скромный комфорт, который был в его силах.

Мое ранение было оценено как несерьезное. Поэтому мне пришлось ждать в очереди, чтобы попасть к сержанту медслужбы, который со знанием дела очищал от грязи и зашивал открытые раны. За мной сидел сержант, правое предплечье которого было перевязано носовым платком, натянутым с помощью палочки, как жгут: его почти оторванная рука качалась на последних оставшихся сухожилиях, как на веревках. Он неподвижно смотрел в пол, пребывая в состоянии шока.

Прошло еще три часа до того, как очередь, наконец, дошла до меня. Не говоря ни слова, сержант медслужбы снял повязку, обследовал рану на наличие инородных тел, а затем продезинфицировал ее раствором сульфонамида. Обладавший огромной физической силой младший капрал медицинской службы схватил мою руку и повернулся ко мне спиной, загородив мне вид на ранение. Как только он сделал это, сержант без анестезии начал быстро и умело, счищая грязь, подрезать края раны и зашивать ее. Удерживая мою руку стальной хваткой, младший капрал сказал:

– Ори, если захочешь, это отключит твое сознание от боли.

И я почувствовал, что теряю самоконтроль, меня переполнила боль. Мои крики словно выражали все нечеловеческие испытания, пережитые мной за несколько последних дней.

На время, пока заживет рана, мне полагался отдых. Поэтому я был на четырнадцать дней перемещен в полковой транспортный отряд вместе с другими моими сослуживцами, которые также были легко ранены. Нам было приказано выполнять несложную вспомогательную работу. В этот период полк, который понес огромные потери, перебазировался обратно в Ворошиловск на пополнение людьми и матчастью. Я, как вы помните, до войны работал плотником, и поэтому был определен ассистентом унтерофицера по вооружению. Мне было поручено сортировать захваченное оружие и, как только пойду на поправку, чинить приклады поврежденных немецких карабинов.

Именно здесь в относительной безопасности полкового штаба я после размышлений над ситуацией твердо решил попытаться при первой же возможности избежать службы в качестве пулеметчика.

Конечно, это было знаком судьбы, что среди оружия, которое сортировал, я нашел единственную русскую снайперскую винтовку. Только увидев ее, я поспешил спросить у унтерофицера по вооружению, нельзя ли с ней попрактиковаться. У них было достаточно русских патронов, и унтер-офицер вдруг почувствовал, что перед ним именно тот человек, которому такая работа окажется по плечу. Он сказал:

– Покажи мне, на что ты способен. Возможно, ты рожден, чтобы быть снайпером. Нам нужны такие ребята, чтобы дать иванам хорошую взбучку. Ты знаешь, в какой кошмар их снайперы превратили нашу жизнь.

Я начал практиковаться в тот же вечер. Через несколько дней стало ясно, что я прирожденный снайпер. Унтер-офицер по вооружению был впечатлен моими стрелковыми навыками. Без всяких видимых усилий я поражал со ста метров спичечный коробок, а с трехсот – деревянную коробку из-под патронов, размерами тридцать на тридцать сантиметров.

Четырнадцать дней отдыха пролетели быстро, рана заживала, и мне пора было возвращаться в свою роту. Когда я попрощался с унтер-офицером по вооружению, тот вручил мне винтовку с оптическим прицелом.

– Зепп, я разговаривал с твоим стариком, – так опытные воины называли своих командиров роты. – Он не против, если ты попытаешь счастья в качестве снайпера. Давай, мой мальчик, покажи иванам!

В первых числах августа 1943-го я возвратился в свою роту со снайперской винтовкой в руках. Когда я доложил сержанту о своем прибытии, тот без церемоний вручил мне черный знак «За ранение»² вместе с наградными документами.

– Оллерберг, надеюсь, ты не думаешь, что на этом все закончилось, – сказал мне сержант. – Это было только начало. Держи свой зад поближе к земле, особенно сейчас, когда ты снайпер. А теперь иди и задай иванам хорошую трепку!

² Этот знак в армии Вермахта существовал в трех степенях: черный – за одно ранение; серебряный – за несколько ранений; золотой – за пять и более ранений, а также за ранение, которое привело к полной недееспособности или утрате мужского достоинства. – *Прим. пер.*

Фронт был относительно тих. Бои свелись к незначительным артиллерийским дуэлям и стычкам между отрядами, выходившими на разведку. Но при этом из-за русских снайперов каждый немецкий солдат ощущал невероятное напряжение. Очень опасным было даже просто высунуться из окопа в непосредственной близости от передовой. Вопреки всем предосторожностям русские находили себе мишени снова и снова.

В своем командире я обрел мудрого наставника, понимавшего выгоды, которые дает войскам наличие снайперов, и сокрушавшегося об их отсутствии в немецкой армии. Однако подобная точка зрения не была широко распространенной. Многие офицеры воспринимали снайперов как бесчестных, коварных убийц и отказывались использовать их. Один из офицеров 3-й горнострелковой дивизии вполне конкретно отразил такое отношение в своих мемуарах: «Каждый из этих головорезов выползает на рассвете или перед сумерками и лежит неподвижно, просматривая вражеские позиции, подобно коту над мышьиной норой. И вот, из окопа на мгновение вынырнет лишь плечо или голова. Но и мгновения достаточно. Выстрел разрывает тишину. Из сведенной судорогой руки выпадает пустая консервная банка. Такова цена человеческой жизни для снайпера. Такова война!»

Здесь необходимо сделать небольшое пояснение. Находясь в траншеях, солдаты сталкиваются с необходимостью отправлять естественные нужды. По гигиеническим причинам они не могут завалить окопы экскрементами. Поэтому через несколько дней пребывания на фронте каждый немецкий пехотинец приспособивался использовать в качестве туалета пустые консервные банки. После того, как банка наполнялась, запах, исходивший от нее, и ворчание товарищей побуждали солдат избавляться от их содержимого. Для этого нужно было выплеснуть банку за край траншеи. Неопытные солдаты при этом иногда приподнимались слишком высоко, боясь запачкать окоп. Хороший снайпер не мог не использовать такую возможность для точного выстрела и при этом не чувствовал каких-либо угрызений совести.

Впрочем, замечание в конце приведенных выше комментариев офицера вполне справедливо. Война не может быть этичной или героической. Это средство достижения политической цели через максимальное насилие, цена которого смерти, увечья и разрушения. Соответственно, нет абсолютно никакой разницы, погибнешь ли ты от пули снайпера или от осколка мины, выпущенной из миномета. И если смотреть на вещи с такой точки зрения, то говорить о чести неуместно. Тем более что при этом напрашивается вполне логичный вопрос. Кто более честен и мужественен в бою – офицер, который, к примеру, посылает целую роту в кровавую мясорубку во имя достижения какой-то стратегической цели, ради личной славы или в результате тактической некомпетентности, либо же, так сказать, «коварный», но высокоэффективный в борьбе с противником снайпер, который постоянно подвергает себя значительному риску?

Так или иначе, я избежал самоубийственного возвращения в строй пулеметчиком. Теперь я подчинялся напрямую командиру роты. К этому моменту боевая обстановка была такова, что рота занималась в основном удержанием собственных позиций. И командир позволил мне выйти на охоту в пределах района, занимаемого нашей ротой. Инстинктивно я чувствовал, с чего начинать действовать, и обошел окопы, чтобы расспросить товарищей о том, что они видели вокруг. Меня встречали с восторгом: «Наконец, у нас есть снайпер. Покажи им, на что ты способен, Зепп!» Командир группы пулеметчиков взял меня за рукав и отвел в крытую траншею. Сквозь щель между массивными бревнами, выложенными вдоль краев окопа для защиты от вражеских пуль и осколков снарядов, он показал мне позиции русских и пояснил:

– Где-то там находится снайпер. Он стреляет во все, что ему покажется подозрительным. Посмотри сюда, даже в посуде, которую мы поднимали над траншеей, есть пулевые дыры. Ты сможешь избавиться от него?

Глава третья

Необходимая доля удачи

Напрягая глаза, я сквозь восьмикратный бинокль (его, подстрекая к уничтожению противника, мне выдал сержант, отвечавший за снабжение роты) всматривался в окружающую местность через небольшое отверстие между бревнами, но не мог разглядеть ничего особенного. Тогда я попросил осторожно поднять над краем окопа плащ-палатку с кепкой на ней, надеясь таким образом выследить русского снайпера. Последний оказался довольно неискусственным в своем деле и выстрелил, едва кепка показалась над краем траншеи. Я увидел вспышку на дульном срезе винтовочного ствола противника, мелькнувшую, подобно порыву ветра, из-за кучи поваленных деревьев. Теперь, когда я знал, где прятался русский снайпер, я мог, наконец, достать свой оптический прицел, который прятал до этого, чтобы блики от его линз не привлекли врага раньше времени. Так, уже первый раз выйдя на снайперскую охоту, я интуитивно почувствовал одну из важнейших особенностей своего нового ремесла. В отличие от своего противника я понимал первый закон выживания: не стрелять по цели, которую ты точно не идентифицировал. И стрелять только раз с одной позиции, а потом немедленно ее менять или становиться невидимым в ее пределах.

Мой противник оставался на своей позиции и дожидался новой цели. Это была фатальная ошибка, за которую ему пришлось заплатить своей жизнью. Я аккуратно положил перед бревнами скрученную плащ-палатку, чтобы упереться на нее, и осторожно высунул в щель ствол своей винтовки. Мне не удавалось воспользоваться своим оптическим прицелом, поскольку щель была слишком узкой. Но русский лежал всего в девяноста метрах от меня, и прицелиться можно было обычным образом, используя мушку и прицельную планку.

Неожиданно я занервничал. Мои товарищи ожидали абсолютно безупречного выстрела, и я внезапно осознал, что должен впервые в жизни хладнокровно и расчетливо убить человека. Мою решимость подтачивали сомнения. У меня пересохло в горле, сердце учащенно забилося, и задрожали руки. Я почувствовал себя парализованным и неспособным нажать на спусковой крючок. Мне пришлось опустить винтовку и сделать несколько глубоких вдохов, чтобы прийти в себя. Мои товарищи стояли вокруг и пристально смотрели на меня. Я снова поднял винтовку в огневую позицию и снова почувствовал колебания.

– Хорошо, а что теперь? Задай ему взбучку, – будто издалека донесся до меня голос товарища.

И в этот миг ко мне вернулось самообладание. Будто во сне, с точностью машины мой указательный палец сам лег на спусковой крючок. Я напрягся, сделал глубокий вдох и выдох, задержал дыхание и надавил на спусковой крючок. Раздался выстрел. Из-за поднявшейся передо мной пыли я не видел, попал я или нет. Но мой товарищ, смотревший в другую щель между бревнами, закричал:

– Ты снял его, парень! Превосходный выстрел. Эта свинья мертва.

Словно пожар по кустарнику, по окопам стала распространяться новость: с русским снайпером покончено.

Неожиданно раздалась пулеметные очереди и винтовочные выстрелы. Кто-то закричал: «В атаку!» Изумленные столь неожиданным немецким штурмом русские стали спешно покидать свои передовые траншеи и отходить к своей основной линии обороны. Не встречая сопротивления, немецкие стрелки ворвались на оставленные позиции. Я был среди них. Мне и свидетелям моего первого выстрела хотелось увидеть его результаты. Мы подбежали к куче поваленных деревьев, за которой прятался русский снайпер.

Оказалось, что там у него было вырыто углубление, наподобие окопа, в котором теперь лежало его безжизненное тело. Голова и туловище снайпера были залиты кровью. Схватив его за щиколотки, двое стрелков вытащили его, чтобы увидеть, где именно была смертельная рана. Кровавое месиво из мозгов и осколков костей покрывало спину снайпера. В затылке русского зияла дыра величиной с кулак, так что через нее можно было заглянуть внутрь его черепа, который был пуст из-за того, что в нем все разворотило пулей. Опытные бойцы, привыкшие к подобному, перевернули его на спину, чтобы посмотреть на лицо убитого, который оказался мальчишкой, возможно, всего шестнадцати лет от роду. Моя пуля вошла ему в правый глаз.

– Ты четко снял его, парень. И ты сделал это почти со ста метров без оптического прицела. Ты действительно хорошо сработал, Зепп, – сказал один из стрелков.

Я посмотрел вниз на свою жертву со смесью гордости, ужаса и вины. Неожиданно я почувствовал, что комок подступает к горлу, и меня вытошнило. Судорожно рыгая, я извергал наружу смесь хлеба, солодового кофе и сардин.

Хотя мне было стыдно за такое публичное проявление слабости, мои товарищи отнеслись с теплотой и пониманием к тому, что я в этот момент потерял контроль над собой. Сержант с большими рыжеватыми усами и жуликоватым шаловливым блеском в голубых глазах, который был на полторы головы выше меня и лет на десять старше, ободрил меня бодрым голосом с северогерманским акцентом:

– Тебе нечего стыдиться, мой мальчик, такое случалось с каждым из нас. И тебе тоже нужно было пройти через это. Лучше начисто проблеваться, чем наделать в штаны. А у папочки всегда есть немного горячительного для подобных случаев, – при этих словах он извлек из нагрудного кармана блестящую серебристую фляжку. – Сделай большой глоток. Так будет легче выбросить все из головы. Только смотри, чтобы остатки твоей блевоты не попали в мою флягу, иначе я оторву тебе башку.

Я с благодарностью сделал большой глоток. Протянув флягу сержанту обратно, я вдруг подумал: «Этот парень похож на викинга, только рогов на каске недостает», – и не смог сдерживать улыбку, представив викинга среди горной пехоты. Но для размышлений и личных чувств не было времени, поскольку, пока мы обыскивали оставленные русскими окопы, надеясь найти полезные трофеи, советские солдаты контратаковали.

Немцы были отброшены назад так же быстро, как до этого они отбросили русских. Через час все вернулось к исходному состоянию, и каждый находился на прежних позициях. Но я сдал свой экзамен на звание снайпера, и мои товарищи всем рассказывали о моем успехе. Похвалы, посыпавшиеся на меня со всех сторон, помогли мне избавиться от сомнений в правильности того, что я сделал.

Я твердо усвоил второй урок: война – это безжалостная вещь, и тебе остается либо убивать, либо быть убитым. В бою сострадание к врагу – верное самоубийство, поскольку каждый противник, которого не убьешь ты, в следующую секунду убьет тебя. Твои шансы выжить возрастают прямо пропорционально твоим воинским навыкам и отсутствию у тебя сострадания к врагу. Этот принцип я соблюдал до конца войны. Если противник оказывался у меня на прицеле, а палец лежал на спусковом крючке, то судьба врага была предreshена – без исключений.

В тот же день я сумел застрелить еще двоих беззаботных русских солдат. Полный юношеской гордости, я сделал перочинным ножом три зарубки на прикладе своей винтовки. Я следовал этому ритуалу все время, пока со мной была моя русская винтовка с оптическим прицелом. Я сохранял эту самоубийственную привычку до тех пор, пока в следующем году трагически не погиб мой товарищ.

Сразу после моих первых успехов сержант сказал мне, что я должен докладывать о своих удачных выстрелах в штаб роты, каждый раз называя свидетелей своих попаданий из числа сержантского состава или офицеров. Но засчитывались только те попадания, которые я производил, стреляя в одиночку, а не во время общей атаки или обороны позиций. Мне пришлось

завести маленькую книжечку со своим снайперским счетом, а офицер или сержант должны были подтверждать всякий раз, когда этот счет увеличивался. За каждые десять засчитанных попаданий я награждался серебряной нашивкой размером семь сантиметров в длину и один в ширину, наподобие тех, что были на воротниках у сержантов. Такие нашивки носились на левом предплечье. Но получение подтверждения попаданий было делом изматывающим. Некоторые из моих командиров завидовали моему успеху и отказывались ставить свою подпись. Особенно часто это случалось, если мое попадание наблюдали артнаводчики, которые в большинстве случаев оказывались молодыми офицерами, полными воинского идеализма. Они считали снайперов грязными убийцами и выражали свою антипатию, отказываясь подтверждать их попадания. Другая причина, по которой отношения между снайперами и артиллеристами были натянутыми, состояла в том, что снайперы привыкли приворовывать лучшую, нежели их собственная, униформу артнаводчиков. В частности, куртки, накидки и плащ-палатки. Я стал мастером такого неофициального приобретения офицерской униформы.

В течение последующих четырнадцати дней мои снайперские выстрелы достигали цели двадцать семь раз, и моя новая специализация быстро превратилась в рутину. Как новичку, мне тем не менее исключительно везло, поскольку русские снайперы избегали меня, не зная о том, что на самом деле я не являюсь профессионалом. Часть фронта, где находилась моя рота, оставалась относительно тихой. Это давало мне возможность учиться на собственном опыте и собственных ошибках. Большинство начинающих снайперов такой возможности не имели, и за свои ошибки они нередко платили жизнью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.